

Universum Historiae et Archeologiae
The Universe of History and Archeology
Універсум історії та археології
Универсум истории и археологии

ISSN 2664–9950 (Print)

ISSN 2707–6385 (Online)

2021. Vol. 4(29). Issue 1, pp. 5–18

DOI 10.15421/26210405

<http://www.uha.dp.ua>

УДК 930.316.7:656.811–157.168«19–20»(477.74)

**Забуті службовці: соціокультурна
характеристика нижчих службовців
Одеського поштово-телеграфного
округу наприкінці XIX – на початку
XX ст.**

О. В. Федорченко

кандидат історичних наук
 ORCID: 0000-0001-5524-0202
 ResearcherID: AAG-1686-2021
 fedorchenko_ov@ukr.net

*Херсонський факультет Одеського державного
університету внутрішніх справ
вул. Фонвізіна, 1, м. Херсон, Україна, 73000*

О. А. Камінська

кандидатка історичних наук, доцентка
 ORCID: 0000-0001-5596-1720
 ResearcherID: AAG-1711-2021
 elena-kaminskaya05@ukr.net

*Херсонський факультет Одеського державного
університету внутрішніх справ
вул. Фонвізіна, 1, м. Херсон, Україна, 73000*

Анотація. *Мета статті:* спираючись на архівні статистичні матеріали, скласти соціально-культурний портрет нижчих службовців поштово-телеграфних установ Таврійської і Херсонської губерній: станово-группова належність, освітній рівень, вікові показники, віросповідання, а також прослідкувати динаміку його змін. *Методи дослідження:* історико-

генетичний, історико-системний, порівняльний. *Основні результати:* проаналізовано динаміку змін складових соціально-культурної характеристики нижчих службовців поштового відомства. Зазначено, що всупереч бажанням уряду сформувати покоління зв'язківців, корпус нижчих службовців формувався в першу чергу з селян і міщан, яких приваблювала можливість отримати ранг і класний чин і піднятися у становій ієрархії Російської імперії. Освітній рівень сторожів виріс за рахунок жінок, яким з 1916 р. дозволили обіймати посади нижчих службовців. Освітні показники листонош знизилися, оскільки адміністрація відомства зв'язку віддавала перевагу фізично витривалим людям. З огляду на релігійність суспільства Російської імперії, зв'язківці в основній своїй масі були православними. Більша половина зв'язківців перебувала у шлюбі, що забезпечувало стабільний кадровий склад нижчих службовців. *Практичне значення* полягає у створенні системної, фактичної бази для реконструкції історії пошти в Україні кінця XIX – початку XX ст. Зокрема, вивчення «людського фактора» функціонування поштового відомства. *Оригінальність дослідження:* використано широке коло неопублікованих архівних джерел та проведено їх всебічний аналіз. *Наукова новизна:* вперше комплексно представлено основні характеристики складу нижчих службовців поштово-телеграфних установ Таврійської і Херсонської губерній, проаналізовано вікову, станову, освітню, сімейну складові і їх зміни. *Тип статті:* описово-аналітична.

Ключові слова: листоноша; сторож-розсилний; соціокультурний портрет; поштово-телеграфні установи.

Надіслана до редколегії 01.03.2021

Прорецензована 28.04.2021

Рекомендована до друку 14.06.2021

Universum Historiae et Archeologiae
The Universe of History and Archeology
Універсум історії та археології
Универсум истории и археологии

ISSN 2664–9950 (Print)

ISSN 2707–6385 (Online)

2021. Vol. 4(29). Issue 1, pp. 5–18

DOI 10.15421/26210405

<http://www.uha.dp.ua>

УДК 930.316.7:656.811–157.168 «19–20»(477.74)

**Забывшие служащие:
 социокультурная характеристика
 низших служащих Одесского
 почтово-телеграфного округа
 в конце XIX – начале XX вв.**

О. В. Федорченко

кандидат исторических наук

Orcid: 0000-0001-5524-0202

ResearcherID: AAG-1686-2021

fedorchenko_ov@ukr.net

*Херсонский факультет Одесского
 государственного университета внутренних дел
 ул. Фонвизина, 1, г. Херсон, Украина, 73000*

Е. А. Каминская

кандидат исторических наук, доцент

Orcid: 0000-0001-5596-1720

ResearcherID AAG-1711-2021

elena-kaminskaya05@ukr.net

*Херсонский факультет Одесского
 государственного университета внутренних дел
 ул. Фонвизина, 1, г. Херсон, Украина, 73000*

Аннотация. *Цель статьи:* опираясь на архивные статистические материалы, составить социально-культурный портрет низших служащих почтово-телеграфных учреждений Таврической и Херсонской губерний: сословно-групповая принадлежность, образовательный уровень, возрастные показатели, вероисповедание, а также проследить динамику его изменений. *Методы исследования:* историко-

генетический, историко-системный, сравнительный. *Основные результаты:* проанализирована динамика изменений составляющих социально-культурной характеристики низших служащих почтового ведомства. Отмечено, что вопреки желанию правительства сформировать поколение связистов, корпус низших служащих формировался в первую очередь из крестьян и мещан, которых привлекала возможность получить ранг и классный чин и подняться по сословной лестнице Российской империи. Образовательный уровень сторожей вырос за счет женщин, которым с 1916 г. позволили занимать должности низших служащих. Образовательные показатели почтальонов снизились, поскольку администрация ведомства связи отдавала предпочтение физически выносливым людям. Учитывая религиозность общества Российской империи, связисты в основной своей массе были православными. Большая половина связистов пребывала в браке, что обеспечивало стабильный кадровый состав низших служащих. *Практическое значение* заключается в создании системной, фактической базы для реконструкции истории почты в Украине конца XIX – начала XX в. В частности, изучение «человеческого фактора» функционирования почтового ведомства. *Оригинальность исследования:* использован широкий круг неопубликованных архивных источников и проведен их всесторонний анализ. *Научная новизна:* впервые комплексно представлены основные характеристики состава низших служащих почтово-телеграфных учреждений Таврической и Херсонской губерний, проанализированы возрастная, сословная, образовательная, семейная составляющая и их изменения. *Тип статьи:* описательно-аналитическая.

Ключевые слова: почтальон; сторож-рассылный; социокультурный портрет; почтово-телеграфные учреждения.

Представлена в редколлегию 01.03.2021

Прорецензирована 28.04.2021

Рекомендована в печать 14.06.2021

Universum Historiae et Archeologiae
The Universe of History and Archeology
Універсум історії та археології
Универсум истории и археологии

ISSN 2664–9950 (Print)

ISSN 2707–6385 (Online)

2021. Vol. 4(29). Issue 1, pp. 5–18

DOI 10.15421/26210405

<http://www.uha.dp.ua>

LCC DK 508

Forgotten officials: social and cultural characteristics of junior employees of Odesa postal-telegraphic district at the end of the 19th – the beginning of the 20th century

O. V. Fedorchenko

Ph. D. (History)

Orcid: 0000-0001-5524-0202

ResearcherID: AAG-1686-2021

fedorchenko_ov@ukr.net

Kherson Faculty of Odesa State University of Internal Affairs

Fonvizina Street, 1, Kherson, Ukraine, 73000

O. A. Kaminskaya

Ph. D. (History), Associate Professor

Orcid: 0000-0001-5596-1720

ResearcherID: AAG-1711-2021

elena-kaminskaya05@ukr.net

Kherson Faculty of Odesa State University of Internal Affairs

Fonvizina Street, 1, Kherson, Ukraine, 73000

Abstract. *The aim:* based on archival statistical materials, to create a socio-cultural portrait of lower employees of post and telegraph offices of Tavriya and Kherson provinces: class and group affiliation, educational level, age, religion, and dynamics of social-cultural portrait changes. *Research methods:* historic-genetic, historic-systemic, comparative. *Main results:* The dynamics of changes in the constituents

of the socio-cultural characteristics of the lowest level employees of the Post department is analyzed. It is noted that, contrary to the government's desire to form a generation of agents, the corps of the lowest level employees was formed, first of all, from peasants and burghers, who were attracted by the opportunity to get a rank and rise in the hierarchy of the Russian Empire. The educational level of the guards was increased at the expense of women, who, from 1916 were allowed to occupy positions of the lowest level employees. The educational indicators of postmen declined as the administration of post offices gave preference to physically fit people. Considering the religiosity of the society of the Russian Empire, most of the messengers were Orthodox. More than half of the messengers were married, which ensured a stable staff of lower-level employees.. *The practical significance* lies in the creation of a systematic, factual basis for the reconstruction of the history of the Post office in Ukraine at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries, in particular, the study of the «human factor» of the Post department functioning. *The originality of the research* lies in the use of a wide range of unpublished archival sources and their comprehensive analysis. *Scientific novelty:* the main characteristics of the composition of the lower employees of the post and telegraph offices of Tavriya and Kherson provinces are comprehensively presented for the first time. Age, status, educational, family components and their changes are analyzed. *Type of article:* descriptive analytical.

Keywords: Postman; Watchman-messenger; Socio-cultural portrait; Post and telegraph offices.

Received 01.03.2021

Reviewed 28.04.2021

Accepted 14.06.2021

Постановка проблемы. В последние десятилетия в исторической науке произошла кардинальная смена парадигм. Качественно обновлены теоретико-методологические основы истории. Значительное внимание уделяется человеку как «герою» истории. Поэтому мы не будем останавливаться на значительной роли коммуникационных магистралей в становлении индустриального общества в Российской империи. Обратим наше внимание на тот факт, что без профессионального состава почтово-телеграфных чиновников почтовая и телеграфная службы эффективно функционировать не могли. Но даже не это главное. Если сведения о социокультурной характеристике чиновников ведомства связи еще можно найти в научных журналах, диссертациях, то о низших служащих информации практически нет. Несмотря на то, что на сегодняшний день существуют работы, касающиеся различных аспектов социокультурной характеристики «слуг государевых» (сословной принадлежности, образовательного и культурного уровня, вероисповедания, семейного положения и т. п.), к сожалению, категория почтово-телеграфных служащих Российской империи оказалась несправедливо забыта.

Историография. Социокультурный портрет чиновников Российской империи всегда вызывал живой интерес у исследователей, например, таких как: Дегтярев С. И. (Дегтярев, С., 2014); Ерошкин Н. П. (Ерошкин, Н., 1983); Зайончковский П. А. (Зайончковский, П., 1978); Шепелев Л. Е. (Шепелев, Л., 1999) и др. Однако указанная тема так и не стала предметом специальных научных исследований. Конкретных данных о социокультурной характеристике низших служащих, к сожалению, в литературе нет. Общим вопросам, касающимся деятельности почтовых и почтово-телеграфных учреждений на Юге Украины (второй половины XIX – начала XX века), посвящены работы Мироновой И. С. (Миронова, И., 2012) и Федорченко О. В. (Федорченко, О., 2012). Внимание ученых уделялось разным аспектам, например, работе женщин-связистов или материальному состоянию служащих почтово-телеграфного ведомства (Заремский, В., 2010; Федорченко, О., 2010; Миронова, И., 2012). В общих чертах освещалась сословная принадлежность низших служащих. Что касается возрастных, национальных и религиозных показателей, они подаются по связистам в целом, не разграничивая почтово-телеграфных чиновников и низших служащих (Сидорова, С., 2019; Профессиональные группы, 2016; Шапошников, Г., 2007).

Цель исследования. Сразу заметим, что низшие служащие ведомства связи Российской

империи – это лица, занимающие должности, не входившие в 14 классов «Табели о рангах». Соответственно, такие лица не могли получить классный чин. В учреждениях связи к категории низших служащих относились: унтер-офицеры, почтальоны, сторожа (сторожа-рассыльные). Все они (сторожа в меньшей степени) были своеобразным резервом для пополнения почтово-телеграфного чиновничьего корпуса. Поэтому черты социокультурного портрета низших служащих почтово-телеграфного ведомства Российской империи справедливо заслуживают отдельного исследования. Исходя из изложенного, целью статьи является составление социально-культурного портрета низших служащих почтово-телеграфных учреждений Таврической и Херсонской губерний: сословно-групповая принадлежность, образовательный уровень, возрастные показатели, вероисповедание, а также динамика его изменений.

Можно предположить, что категория низших служащих почтово-телеграфного ведомства пополнялась за счет выходцев из той же среды. То есть дети почтальонов продолжали дело своих отцов. Но может быть и другие слои населения пополняли интересующую нас группу связистов? Образовательный уровень низших служащих, вероятно, был не очень высоким, поскольку данный ценз был «размытым» – «чтобы могли читать и писать». Хотя, если принять во внимание, что часть почтальонов мечтала стать чиновниками, то образовательный уровень у претендентов мог быть и выше (по крайней мере у почтальонов), чем требовалось? Возрастные показатели для каждой подгруппы низших служащих тоже были разными. Поскольку работа почтальонов была крайне тяжелой и изнурительной, то это был самый трудоспособный возраст (20–35 лет). Унтер-офицеры и сторожа, скорее всего, были от 35 лет и старше. Унтер-офицеры в основной массе – это военные в запасе, а потому люди явно не молодые. В большинстве своем сторожами шли работать люди под конец трудовой деятельности. И что касается религиозной принадлежности – низшие служащие массово исповедовали православие. Однако все это необходимо тщательно проверить.

Источники. Для начала кратко охарактеризуем источники исследования. Первое, что, казалось бы, следовало использовать в нашей работе – это данные Первой Всероссийской переписи 1897 г., а именно таблицы XX (Губернский итог населения по группам занятий и возрастов) и XXII (Распределение населения по группам занятий и по народностям на основании языка) томов XLI (Таврическая губерния) (Первая, 1904, XLI) и XLVII (Херсонская губерния) (Первая, 1904, XLVII). К со-

жалению, категория связистов представлена единой группой (чиновники и низшие служащие вместе). Таким образом, в контексте нашего исследования – это малоинформативный источник. Можно было бы использовать материалы первого тома «Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по Отдельным территориальным районам. Таблица XX» (Распределение, 1905, Т. 1), поскольку в нем информация о работах ведомства связи подана по отдельным категориям: «Служащие высшего разряда», «Телеграфисты, телефонисты и почтальоны» и «Служители, сторожа и рассыльные». Однако и эти данные не пригодны для нашего исследования, т. к. показан только количественный состав, что делает невозможным осуществление социокультурного анализа именно низших служащих.

В сложившейся ситуации ценными источниками стали архивные материалы Государственных архивов Одесской и Херсонской областей. Так, в ГАОО (фонд 307) сохранились дела, содержащие статистические данные связистов Одесского почтово-телеграфного округа (далее – ОПТО) за 1908 и 1918 гг. А в ГАХО (фонд 82) – личные дела низших служащих Херсонской почтово-телеграфной конторы конца XIX – начала XX в. Территориально наше исследование охватывает ОПТО, то есть Таврическую и Херсонскую губернии, а хронологический период – с конца XIX в. до 1918 г.

Изложение основного материала. В первую очередь остановимся на сословно-групповой принадлежности низших служащих. В середине XIX в. основным правилом кадровой политики царского правительства было комплектовать государственные учреждения выходцами из служащих этого же ведомства (Базилевич, К., 1927, с. 34; Бармак, М., 2006, с. 93). Подтверждение этому находим в нормативно-правовых документах ведомства связи. Так, ст. 79 Почтового устава 1857 р. однозначно закрепляла право детей почтовых чиновников и канцелярских служащих первыми занимать чиновничьи должности, а ст. 96 содержала норму о назначении на должности низших служащих преимущественно детей низших служащих почтового ведомства (Устав, 1857). Такая тенденция не изменилась и в начале XX в., поскольку новый Почтово-телеграфный устав 1912 р. в ст. 47 дублировал аналогичные положения устава 1857 р. (Устав, 1914).

Кроме потомственных связистов, «зеленую улицу» при трудоустройстве администрация Главного управления почт и телеграфов (далее –

ГУПиТ) предоставляла военным в запасе, имевшим приоритет на должности почтальонов и унтер-офицеров (ГАХО, Ф. 82, оп. 1, д. 40, л. 74–75). В чем же было дело? Объяснить это можно несколькими факторами. Во-первых, служба в ведомстве связи всегда имела полувоенный характер (Базилевич, К., 1927, с. 154), поэтому для «железной» дисциплины в учреждениях связи необходим был опыт военных. Во-вторых, с более практической точки зрения, в случае нападения на «денежную» почту вероятность успешной защиты корреспонденции бывшими военными была на порядок выше. Тут следует заметить, что с апреля 1906 и до 1909 г. на должность почтальона принимались исключительно лица, отслужившие в армии (ГАХО, Ф. 82, оп. 1, д. 39, л. 38; Ф. 82, оп. 1, л. 190, 494). Мы считаем, что такие изменения в кадровой политике были вызваны сложной криминогенной ситуацией, сложившейся в результате революционных событий 1905–1907 гг. как в империи в целом, так и в Таврической и Херсонской губерниях в частности. Исходя из изложенного выше предполагаем, что дети почтово-телеграфных служащих и военные должны были стать основными резервом пополнения категории низших служащих.

Впрочем, указанные категории – это только желание администрации ГУПиТ видеть их у себя в ведомстве. Реалии могли быть совершенно другими. Определить сословную принадлежность низших служащих помогут материалы статистики (см. табл. 1, составленную по архивным материалам) (ГАХО. Ф. 82, оп. 1, д. 69; Ф. 82, оп. 1, д. 70; Ф. 82, оп. 1, д. 71; Ф. 82, оп. 1, д. 75; Ф. 82, оп. 1, д. 76; Ф. 82, оп. 1, д. 80; Ф. 82, оп. 1, д. 83; Ф. 82, оп. 1, д. 84; Ф. 82, оп. 1, д. 85; Ф. 82, оп. 1, д. 90; Ф. 82, оп. 1, д. 95; Ф. 82, оп. 1, д. 96; Ф. 82, оп. 1, д. 114; Ф. 82, оп. 1, д. 117; Ф. 82, оп. 1, д. 118; Ф. 82, оп. 1, д. 119; Ф. 82, оп. 1, д. 138; Ф. 82, оп. 1, д. 156; Ф. 82, оп. 1, д. 158; Ф. 82, оп. 1, д. 159; Ф. 82, оп. 1, д. 162; Ф. 82, оп. 1, д. 205; Ф. 82, оп. 1, д. 206; Ф. 82, оп. 1, д. 242; Ф. 82, оп. 1, д. 246; Ф. 82, оп. 1, д. 249; Ф. 82, оп. 1, д. 250; Ф. 82, оп. 1, д. 251; Ф. 82, оп. 1, д. 252; Ф. 82, оп. 1, д. 305; Ф. 82, оп. 1, д. 315; Ф. 82, оп. 1, д. 317; Ф. 82, оп. 1, д. 365; Ф. 82, оп. 1, д. 367; Ф. 82, оп. 1, д. 368; Ф. 82, оп. 1, д. 408). Таблица составлена авторами на основе личных дел почтальонов Херсонской почтово-телеграфной конторы, хотя не все из них сохранились и лишь малое количество попало нам в руки. И тем не менее благодаря им мы можем проследить общие черты и источники формирования категории низших служащих.

Сословно-групповая характеристика почтальонов Херсонской почтово-телеграфной конторы*

№ п/п	Сословия, группы	%	№ п/п	Сословия, группы	%
1	Крестьяне	38,9	5	Дети чиновников	7,4
2	Мещане	25,9	6	Дворяне	3,7
3	Казаки	11,1	7	Дети священнослужителей	1,9
4	Дети военных	9,3	8	Дети почтальонов	1,9

Анализ таблицы показывает, что почтальоны Херсонской почтово-телеграфной конторы, в основном, происходили из крестьян (почти 40 %) и мещан (почти 26 %). Заметим, что дети почтальонов составляли всего лишь 2 %, то есть заявленное правительством предпочтение для детей связистов так и осталось нереализованным. Из таблицы видно, что группа почтальонов пополнялась за счет (в порядке убывания) казаков, детей военных, детей чиновников, дворян и детей священнослужителей.

Как видим, попытки правительства создать поколение связистов не увенчались успехом. Почему же так произошло? Предполагаем, что почтальоны, в основном, своим примером отбивали у детей охоту служить в ведомстве связи или, что вероятнее, сами же их и отговаривали. Такая ситуация стала следствием просчета правительства Российской империи в формировании мотивационной составляющей кадровой политики почтово-телеграфного ведомства. По мнению ученых, она была довольно успешной во второй половине XIX в. и постепенно снизилась в начале XX в. (Профессиональные группы, 2016, с. 120–121). А в экономически развитых губерниях, каковыми являлись Таврическая и Херсонская, существовали лучшие предложения работодателей, поэтому экономическая составляющая службы в ведомстве связи главной не была.

Для крестьян и мещан работа в почтово-телеграфном ведомстве была отличной возможностью, часто единственной, кардинально изменить свою жизнь в лучшую сторону. Служба чиновником-связистом давала право даже на личное дворянство. Так, в соответствии с Почтовым (1857 р.) и Почтово-телеграфным (в 1912 г.) уставами, начальник ГУПиТ мог присваивать чин до VII класса (т. е. надворного советника) (Устав, 1857; Устав, 1914). Понятно, что у человека, получившего чин, не только расширялся круг прав и привилегий, но и повышался социально-правовой статус в сословной стратификации Российской империи.

Увы, между почтальоном и чиновником существовала огромная пропасть; впрочем, почтальоны реально могли дослужиться до должности почтово-телеграфного чиновника. Подтверждением этому служат уже упомянутые нами выше статистические

материалы Херсонской почтово-телеграфной конторы. Так, из почтальонов-крестьян достигли разряда чиновника 29 % служащих, а классный чин был присвоен 5 %, из почтальонов-мещан – 29 % и 14 % соответственно. Конечно, далеко не все могли претендовать на такое повышение. Для этого необходимо было иметь уровень образования, определенный нормативно-правовыми документами.

Для примера приведем трудовую биографию почтово-телеграфного чиновника Каленика Солоняра, 1870 года рождения, из крестьян, православно, окончившего начальное народное училище. В 1896 г. Каленик Солонярь был принят почтальоном в Мелитопольскую почтово-телеграфную контору (Таврическая губерния), в 1900 г. занял должность почтово-телеграфного чиновника VI разряда, а в 1905 г. уже исполнял обязанности начальника почтового отделения (к сожалению, не указанного какого), в 1907 г. К. Солоняру был присвоен чин коллежского регистратора, а в 1909 г. он стал начальником почтового отделения; в том же году был переведен в Херсонскую почтово-телеграфную контору на должность почтово-телеграфного чиновника VI разряда и получил чин губернского секретаря. В 1910 г. Каленик Солонярь занял должность почтово-телеграфного чиновника VI разряда, а в 1914 г. ему был присвоен чин коллежского секретаря (ГАХО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 121. Л. 88–92). Как видим, ряды низших служащих учреждений связи ОПТО пополнялись выходцами из крестьян и мещан, а не детьми почтальонов и военными, как рассчитывало правительство.

Важной профессиональной характеристикой служащих был образовательный уровень. На первый взгляд, почтальонам для выполнения обязанностей не так уж и необходимо было образование, достаточно было уметь читать и писать. По сути, сама грамотность низших служащих уже была достижением. Напомним, что процент лиц, умевших читать и писать в Российской империи в 1897 р. составлял всего 21,1 % (Рашин, 1956, с. 308). Более того, после реформы связи 1884–1885 гг. были зафиксировали случаи, когда начальники почтовых отделений в глухих деревнях вообще были безграмотные (ГАНО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 73. Л. 31). Тем не

* Категории определены согласно личным формулярам низших служащих.

менее, если учесть, что почтальоны частично пополняли группу почтово-телеграфных чиновников, то характеристикой образовательного критерия пренебрегать было нельзя.

Для анализа образовательного уровня располагаем значительно более основательной базой

источников. В Государственном архиве Одесской области сохранились статистические данные связей ОПТО по состоянию на 1 января 1908 г. (см. табл. 2, составленную по ГАОО. Ф. 307. Оп. 7. Д. 91. Л. 180–181).

Таблица 2

Низшие служащие Одесского почтово-телеграфного округа: образовательная и религиозная характеристики (по состоянию на 31 декабря 1908 г.)

Сословия, группы	Количество человек	Количество по вероисповеданию					Количество по образованию	
		православные	лютеране, реформаторы	римо-католики	другого		начальное	домашнее
					христиане	нехристиане		
Унтер-офицеры	10	10	–	–	–	–	5	5
Почтальоны	745	727	–	18	–	–	392	353
Сторожа	488	455	2	30	1	–	31	457
Мальчики*	10	10	–	–	–	–	3	7
всего	1253	1202	2	48	1	–	431	822

Для удобства отдельно проанализируем образовательный уровень почтальонов, унтер-офицеров и сторожей. Последняя категория низших служащих контрастировала с почтальонами, поскольку практически не имела амбиций карьерного роста. Итак, среди почтальонов и унтер-офицеров 52,6 % имели начальное образование и 47,4 % – домашнее. Среди сторожей, к которым вообще не применялся образовательный ценз, начальное образование имели 6,4 %, домашнее – 93,6 %. Подытожим, что почтальоны и унтер-офицеры имели достаточный образовательный уровень, что свидетельствовало об их желании занять должности чиновников.

Воспользуемся возможностью проследить динамику образовательного уровня низших служащих ОПТО с 1908 по 1918 годы на примере четырех

почтово-телеграфных учреждений Елисаветграда, Николаева, Севастополя, Херсона (см. табл. 3, составленную по ГАОО. Ф. 307. Оп. 7. Д. 91. Л. 5, 43, 91, 99, 180–181; Ф. 307. Оп. 7. Д. 138. Л. 46, 494, 553–555). Как видно из таблицы, погрешность образовательного уровня унтер-офицеров и почтальонов четырех указанных контор в 1908 г. по сравнению с общими данными по ОПТО составляет примерно 4 % в сторону увеличения процента лиц с начальным образованием. Объясним это тем, что в городах процент образованных людей в целом был выше, чем в селах. К сожалению, именно информация из сельских учреждений связи не попала в таблицу. Соответствующие показатели в отношении сторожей практически идентичны общим цифрам ОПТО.

Таблица 3

Образовательная характеристика низших служащих почтово-телеграфных учреждений Елисаветграда, Николаева, Севастополя, Херсона в начале XX в.

Сословия, группы	Начальное образование		Домашнее образование	
	декабрь 1908 г. (по ОПТО)	январь 1918 г.	декабрь 1908 г. (по ОПТО)	январь 1918 г.
Унтер-офицеры, почтальоны	56,45 % (52,6 %)	34,02 %	43,55 % (47,4 %)	65,98 %
Сторожа-рассыльные**	6,1 % (6,4 %)	18,98 %	93,9 % (93,6 %)	81,02 %

* Подростки до 18 лет выполняли функции рассыльных.

** Появление сторожей-рассыльных связано с расширением обязанностей сторожей. Теперь они должны были разносить телеграммы адресатам.

Согласно данным таблицы, образовательный уровень унтер-офицеров и почтальонов снизился; в 1918 г. начальное образование было только у трети представителей этой категории. Вместе с тем в три раза вырос образовательный уровень сторожей-рассыльных. Почему же так произошло? Реалии Первой мировой войны заставили правительство активнее привлекать к труду женщин. Не исключением стало и ведомство связи. 12 ноября 1916 г. ГУПит позволило принимать женщин на должности низших служащих (ГАХО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 1. Л. 1); в результате через год они составляли примерно 19 % от общего количества низших служащих ОПТО (ГАОО. Ф. 307. Оп. 7. Оп. 138. Л. 501, 553–555).

По сути, женщин поощряли поступать на службу, поскольку в военное время остро стоял вопрос дефицита желающих стать связистом. К тому же, даже имея на руках удостоверение о начальном образовании, выбор работы у женщин был достаточно узок. Отметим, что в учреждениях связи они пытались занять должности именно сторожей-рассыльных. Так, в указанных выше учреждениях связи среди почтальонов женщины составляли 12,17 %, а среди сторожей-рассыльных – 29,85 %. Хотя труд сторожа-разносчика и был менее оплачиваемым (например, с ноября 1915 г. почтальон получал 300–480 руб. в год, в то время как сторож-рассыльный – 240–420 руб. в год; с первого апреля 1917 г. 420–720 и 360–720 руб. соответственно (ГАХО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 40. Л. 43; Ф. 82. Оп. 1. Д. 67. Л. 229; Ф. 82. Оп. 1. Д. 355. Л. 4; Об улучшении, 1915), но и нагрузка на сторожа-рассыльного была меньше. По крайней мере, не нужно было путешествовать по городу с килограммами корреспонденции.

Таким образом, образовательный уровень сторожей вырос за счет женщин. Что касается почтальонов и унтер-офицеров, то их образовательный уровень снизился. Поскольку при приеме их на работу образовательным цензом пренебрегали, главное, чтобы претендент хотел работать за небольшую, как для мужчины, зарплату и был физически выносливым.

Перейдем к религиозной характеристике низших служащих ОПТО (см. табл. 2). Для начала напомним, что правительство Российской империи

всячески подчеркивало, что комплектация корпуса служащих любого ведомства проводилась независимо от национальной принадлежности и вероисповедания кандидата на должность. Однако на деле оно неуклонно придерживалось известных принципов: «православие, самодержавие и народность» (Бармак, 2006, с. 95). Некоторые положения прослеживаются сквозь призму нормативно-правовых документов. Так, согласно Почтовому и Почтово-телеграфному уставам, для некрещенных евреев дорога на должности чиновников и почтальонов в учреждения связи была закрыта. А почтальонам из евреев, принявших православие, запрещалось работать в губерниях, где разрешалось жить евреям (Устав, 1857, с. 18; Устав, 1914, с. 12). Исходя из подобных ограничений, мы не удивляемся данным о вероисповедания низших служащих учреждений ОПТО. Так, православные составляли 95,93 % от всех низших служащих, католики – 3,83 %, лютеране – 0,16 %, другие – 0,08 %. Для сравнения стоит привести статистику верующих Таврической и Херсонской губерний. Православные жители губерний по состоянию на 1897 г. составляли 77 % (Обзор, 1897, с. 9; Первая, 1904, XLVII, с. 89). Если же принять во внимание критические замечания по поводу методов и техники проведения переписи 1897 г., то процент православных губерний оказался явно завышенным (Белоножко, Е. П., Клышнюк, Н. А., 2011, с. 155). Но даже и в таком объеме он был гораздо ниже (на 19 %), чем данные по ведомству связи. Все это еще раз подтверждало действие вышеуказанного триединого принципа «православие, самодержавие, народность».

Рассмотрим динамику конфессиональной принадлежности низших служащих ОПТО с 1908 по 1918 годы по четырем указанным почтово-телеграфным учреждениям (см. табл. 4, составленную по ГАОО. Ф. 307. Оп. 7. Д. 91. Л. 5, 43, 91, 99; Ф. 307. Оп. 7. Д. 138. Л. 46, 494, 553–555). Данные таблицы подтверждают традиционность общества Российской империи. За десятилетний период процент верующих служащих в почтово-телеграфных конторах практически не изменился.

Необходимой характеристикой персонала являются и возрастные категории. Коротко раскроем требования возрастного ценза почтальонов. При приеме на службу он составлял 18–35 лет (ГАХО.

Таблица 4

Религиозная характеристика низших служащих почтово-телеграфных учреждений Елисаветграда, Николаева, Севастополя, Херсона в начале XX в.

Православные		Лютеране, реформаторы		Римо-католики	
декабрь 1908 г.	январь 1918 г.	декабрь 1908 г.	январь 1918 г.	декабрь 1908 г.	январь 1918 г.
98,5 %	98,2 %	–	0,3 %	1,5 %	1,5 %

Ф. 82. Оп. 1. Д. 40. Л. 74–75). В период с 1906 по 1909 гг., как мы уже отмечали выше, нижняя возрастная граница была повышена до 21 года (ГАХО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 39. Л. 38). Итак, перейдем непосред-

ственно к возрастной характеристике низших служащих (см. табл. 5, составленную по ГАОО. Ф. 307. Оп. 7. Д. 91. Л. 180–181).

Таблица 5

Низшие служащие Одесского почтово-телеграфного округа: возрастная характеристика и семейное положение (по состоянию на 31 декабря 1908 г.)

Сословия, группы	Кол-во человек	Количество по возрасту				Семейные
		младше 21 года	от 21 до 36 лет	от 36 до 50 лет	старше 50 лет	
Унтер-офицеры	10	–	4	6	–	7
Почтальоны	745	3	597	111	34	360
Сторожа	488	40	300	117	31	309
Мальчики	10	10	–	–	–	–
всего	1253	53	901	234	65	676

Из данных таблицы видно, что среди унтер-офицеров и почтальонов самая многочисленная категория «от 21 до 36 лет» – 79,6 %, далее идут лица «от 36 до 50 лет» – 15,5 %, те, кто «старше 50» – 4,5 % и наконец лица «младше 21» – 0,4 %. Здесь все логично: почтальоны должны были быть физически выносливыми, поэтому и возрастные группы выстроились в соответствии со снижением возможностей. То, что в период, когда возрастной ценз приема на работу составлял 21–35 лет на должностях почтальонов работали лица, моложе 21 года, тоже можно объяснить. Вероятно, это работники, принятые до 1906 года. Допустим, на момент поступления на работу им было 18 лет, тогда понятно, что на 31 декабря 1908 г. 21 год им еще не исполнился.

Перейдем к возрастной характеристике сторожей. Их показатели несколько удивляют. В отличие от предположения, сделанного нами вначале о том,

что сторожа, в основном, были людьми пожилыми, цифры свидетельствуют совсем о другом. Так, лица «старше 50» составляли меньшинство, всего 6,3 %, далее шли те, кто были «младше 21 года» – 8,2 %, затем лица «от 21 до 36 лет» – 61,5 % и служащие «от 36 до 50 лет» – 24 %: то есть ситуация с возрастными категориями сторожей практически дублировала показатели почтальонов.

Таким образом, низшие служащие в своём большинстве были лицами в «расцвете сил». Возникает вопрос: почему лица активного трудоспособного возраста шли работать сторожами?

Рассмотрим изменение возрастных критериев низших служащих сквозь призму статистических данных почтово-телеграфных контор Елисаветграда, Николаева, Севастополя, Херсона (см. табл. 6, составленную по ГАОО. Ф. 307. Оп. 7. Д. 91. Л. 5. 43, 91, 99; Ф. 307. Оп. 7. Д. 138. Л. 46, 494, 553–555).

Таблица 6

Возрастная характеристика низших служащих почтово-телеграфных учреждений Елисаветграда, Николаева, Севастополя, Херсона в начале XX в.

Сословия, группы	Младше 21 года		От 21 до 36 лет		От 36 до 50 лет		Старше 50 лет	
	декабрь 1908 г.	январь 1918 г.	декабрь 1908 г.	январь 1918 г.	декабрь 1908 г.	январь 1918 г.	декабрь 1908 г.	январь 1918 г.
Унтер-офицеры, почтальоны	–	11,3 %	76,6 %	61,4 %	17,7 %	24,2 %	5,7 %	3,1 %
Сторожа-рассыльные	3,7 %	31,3 %	56 %	47,8 %	36,6 %	17,9 %	3,7 %	3 %

Что же мы видим? Основная возрастная категория унтер-офицеров и почтальонов – это лица трудоспособного возраста (21–36 лет). В 1908 году они

составляли 76,6 %, а в 1918–61,4 %. Следующую категорию представляли лица от 36 до 50 лет – 17,7 % и 24,2 %; и лица старше 50 лет – 5,7 % и 3,1 % со-

ответственно. Наибольшие изменения произошли в категории лиц до 21 года. Если на конец 1908 г. в указанных учреждениях не было ни одного человека этой возрастной группы, то на начало 1918 гг. их было уже 11,3 %.

Ситуация со сторожами выглядела следующим образом. Самая многочисленная категория была от 21 до 36 лет, которая в 1908 г. составляла 56 %, а на начало 1918 г. уменьшилась до 47,8 %. Та же тенденция наблюдалась и в категориях от 36 до 50 лет – было 36,6 %, а стало 17,9 %, и среди тех, кто был старше 50 – из 3,7 % осталось 3 %. Исключением стала только категория лиц, имевших менее 21 года. Тут имел место обратный процесс: показатели возросли, причем значительно – с 3,7 % до 31,3 %.

Попробуем пролить свет на природу таких изменений. Думаем, для этого было несколько взаимосвязанных причин. Первая заключалась в том, что с ноября 1916 г. был расширен возрастной ценз для кандидатов на должности низших служащих: от 16 до 50 лет (ГАХО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 334. Л. 356). Последствия такой нормы видны как среди почтальонов, так и среди сторожей.

О другой причине мы уже упоминали выше. К работе в учреждениях связи активно привлекали женщин. Хотя ГУПит определило им возрастной ценз от 21 года до 36 лет, судя по статистике, на местах им пренебрегали. Так, из низших служащих категории до 21 года женщины составляли 31 % (ГАОО. Ф. 307. Оп. 7. Д. 138. Л. 501, 553–555). За счет женщин особенно омолодился состав сторожей.

И еще несколько слов об увеличении численности категории лиц до 21 года у почтальонов. Учитывая важность, а в некотором смысле стратегическое значение связи, император Николай II 4 февраля 1916 г. предоставил отсрочку от призыва почтово-телеграфным чиновникам, надзирателям (служащим, которые обслуживали телеграфные аппараты) и почтальонам 1897 года рождения (ГАХО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 327. Л. 10). Что касается увеличения количества почтальонов в возрасте от 36 до 50 лет, то это объяснялось следующим образом: в ряды Российской армии мобилизовывались лица до 43 лет; в результате указанная категория включала лиц от 43 до 50 лет и, хотя она частично лишилась лиц от 36 до 43 лет, в процентном отноше-

нии она выросла, поскольку категория от 21 года до 36 лет полностью подлежала мобилизации.

Коротко остановимся на семейном положении низших служащих (см. табл. 5). В конце 1908 г. семейные связисты составляли 53,6 %. К сожалению, документы не дают нам возможности проследить состояние в браке по сословиям, возрастным категориям и половой принадлежности. Однозначно, семейный служащий был гораздо более привлекателен для администрации учреждений связи, округа. Своевременная выплата заработной платы, на которую служащий содержал семью, прикрепляла связиста к учреждению. В результате формировался относительно стабильный состав служащих ведомства.

Обсуждение. Отдельного исследования требует выяснение причин, по которым молодые люди шли работать на неперспективную малооплачиваемую работу сторожей.

Выводы. Таким образом, кадровый потенциал низших служащих почтово-телеграфных учреждений пополнялся в первую очередь крестьянами и мещанами, а не выходцами из семей связистов, как рассчитывала власть. Крестьяне и мещане, благодаря службе в ведомстве связи, могли «выбиться в люди». Поэтому образовательный уровень почтальонов превышал установленные нормы образовательного ценза. Во время Первой мировой войны образовательный уровень сторожей вырос за счет женщин, получивших разрешение занимать вакантные должности в ведомстве связи. В то же время образовательные показатели почтальонов снизились, поскольку главным требованием к кандидатам была физическая выносливость. Практически все связисты (96 %) были православными. Возрастные показатели тоже оказались ожидаемыми. Кроме сторожей, большая часть низших служащих находилась в трудоспособном возрасте от 21 года до 36 лет. В годы войны наблюдалось две тенденции. С одной стороны, личный состав учреждений помолодел в результате снижения нижнего возрастного предела до 16 лет. С другой – в среде почтальонов возросла категория лиц от 36 до 50 лет. Последнее связано с тем, что часть лиц данной категории не подлежала мобилизации по возрасту. Половина низших служащих были семейными, что придавало стабильность кадровому обеспечению.

Библиографические ссылки

Д. 73. Оп. 1. Ф. 87. Николаев: Государственный архив Николаевской области, 69 л.

Д. 91. Оп. 7. Ф. 307. Одесса: Государственный архив Одесской области, 182 л.

Д. 138. Оп. 7. Ф. 307. Одесса: Государственный архив Одесской области, 1135 л.

Д. 39. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: Государственный архив Херсонской области, 139 л.

Д. 40. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 346 л.

Д. 67. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 233 л.

Д. 69. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 56 л.

Д. 70. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 110 л.

Д. 71. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 108 л.

Д. 75. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 37 л.

Д. 76. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 152 л.

Д. 80. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 25 л.

Д. 83. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 41 л.

Д. 84. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 57 л.

Д. 85. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 60 л.

Д. 90. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 56 л.

Д. 95. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 38 л.

Д. 96. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 15 л.

Д. 114. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 50 л.

Д. 117. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 63 л.

Д. 118. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 23 л.

Д. 119. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 71 л.

Д. 138. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 68 л.

Д. 156. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 19 л.

Д. 158. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 58 л.

Д. 159. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 55 л.

Д. 162. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 96 л.

Д. 205. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 66 л.

Д. 206. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 58 л.

Д. 242. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 67 л.

Д. 246. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 21 л.

Д. 249. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 49 л.

Д. 250. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 29 л.

Д. 251. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 36 л.

Д. 252. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 84 л.

Д. 305. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 20 л.

Д. 315. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 21 л.

Д. 317. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 50 л.

Д. 327. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 43 л.

Д. 334. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 181 л.

Д. 355. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 181 л.

Д. 365. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 11 л.

Д. 367. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 75 л.

Д. 368. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 90 л.

Д. 408. Оп. 1. Ф. 82. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 44 л.

Д. 1. Оп. 1. Ф. Р-800. Херсон: *Государственный архив Херсонской области*, 341 л.

Об улучшении материального положения чинов местных учреждений, 1915. *Почтово-телеграфный журнал (отдел официальный)*. № 50.

Обзор Таврической губернии за 1897 г., 1898. Симферополь: Таврическая губернская типография.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904. Санкт-Петербург: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, т. XLI.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904. Санкт-Петербург: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, т. XLVII.

Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Таблица XX, 1905. Санкт-Петербург: паровая скоропечатня П. О. Яблонского, т. 1.

Свод Законов Российской империи, 1857. Устав почтовый. СПб., т. XII, ч. 1.

Устав почтово-телеграфный, 1914. Из Свода Законов (т. XII, часть 1). Издание журнала «Почтово-телеграфное Эхо». Санкт-Петербург: Художественно-Графическое Ателье и печатня.

Базилевич, К. В., 1927. *Почта в России в XIX веке.* Москва: НКПиТ.

Бармак, М. В., 2006. *Державна служба в Російській імперії: правові основи формування та функціонування корпусу цивільних службовців (XVIII – перша половина XIX ст.).* Тернопіль: Видавництво «Астон».

Белоножко, Е. П., Клышнюк, Н. А., 2011. Численный состав сектанства в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. (на примере губерний Центрального Черноземья). *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика*, № 7 (102), вып. 18, с. 147–157.

Дегтярьов, С. І., 2014. Цивільне чиновництво України у кінці XVIII – першій половині XIX ст. Суми: Папірус.

Ерошкин, Н. П., 1983. *История государственных учреждений России*. Москва: Высшая школа.

Зайончковский, П. А., 1978. *Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.* Москва: Мысль.

Заремский, В. К., 2010. Организация работы женщин в почтово-телеграфных учреждениях Российской империи. *Вестник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серія А: гум. навукі: гісторыя, філасофія, філалогія*, № 1 (35), с. 50–58.

Міронова, І. С., 2012. *Поштові і поштово-телеграфні установи на півдні України в системі зв'язку російської держави (друга половина XVII – початок XX ст.)*. Миколаїв: Видавництво ЧДУ ім. Петра Могили.

Профессиональные группы и общества как актеры российской позднеимперской модернизации (на материалах Урала второй половины XIX – начала XX в.), 2016. Екатеринбург: Банк культурной информации.

Рашин, А. Г., 1956. *Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки*. Москва: Гос. стат. издательство.

Сидорова, С. О., 2019. Социальный состав служащих почтово-телеграфных учреждений белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX вв. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. Исторические науки*, № 1, с. 146–150.

Федорченко, О. В., 2010. Матеріальне становище поштово-телеграфних службовців наприкінці XIX – на початку XX ст. (за матеріалами Таврійської і Херсонської губерній). *Південний архів. Історичні науки: зб. наук. праць*. Херсон, вип. 31–32, с. 318–327.

Федорченко, О. В. Функціонування поштових і поштово-телеграфних установ Таврійської і Херсонської губерній наприкінці XIX – на початку XX ст., 2014. *Scriptorium Nostrum. Електроний історичний журнал*, № 1, с. 143–153.

Шапошников, Г. Н., 2007. Мотивация труда чиновников почтово-телеграфного ведомства на Урале (середина XIX – начало XX вв.). *Вестник Челябинского государственного университета. Серия история*, № 3 (81), с. 57–68.

Шепелев, Л. Е., 1999. *Чиновный мир России: XVIII – начало XX в.* Санкт-Петербург: Искусство-СПБ.

References

File 73. Inventory 1. Fund 87. Nikolaev: *Gosudarstvennyy arhiv Nikolaevskoy oblasti [State Archives of Mykolaiv region]*, 69 s. (in Russian).

File 91. Inventory 7. Fund 307. Odessa: *Gosudarstvennyy arhiv Odesskoy oblasti [State Archives of Odessa Region]*, 182 s. (in Russian).

File 138. Inventory 7. Fund 307. Odessa: *Gosudarstvennyy arhiv Odesskoy oblasti [State Archive of the Odessa region]*, 1135 s. (in Russian).

File 39. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyy arhiv Hersonskoy oblasti [State Archives of Kherson Region]*, 139 s. (in Russian).

File 40. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyy arhiv Hersonskoy oblasti [State Archives of Kherson Region]*, 346 s. (in Russian).

File 67. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyy arhiv Hersonskoy oblasti [State Archives of Kherson Region]*, 233 s. (in Russian).

File 69. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyy arhiv Hersonskoy oblasti [State Archives of Kherson Region]*, 56 s. (in Russian).

File 70. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyy arhiv Hersonskoy oblasti [State Archives of Kherson Region]*, 110 s. (in Russian).

File 71. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyy arhiv Hersonskoy oblasti [State Archives of Kherson Region]*, 108 s. (in Russian).

File 75. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyy arhiv Hersonskoy oblasti [State Archives of Kherson Region]*, 37 s. (in Russian).

File 76. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyy arhiv Hersonskoy oblasti [State Archives of Kherson Region]*, 152 s. (in Russian).

File 80. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyy arhiv Hersonskoy oblasti [State Archives of Kherson Region]*, 25 s. (in Russian).

File 83. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyy arhiv Hersonskoy oblasti [State Archives of Kherson Region]*, 41 s. (in Russian).

File 84. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyy arhiv Hersonskoy oblasti [State Archives of Kherson Region]*, 57 s. (in Russian).

File 85. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyy arhiv Hersonskoy oblasti [State Archives of Kherson Region]*, 60 s. (in Russian).

File 90. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyy arhiv Hersonskoy oblasti [State Archives of Kherson Region]*, 56 s. (in Russian).

File 95. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyy arhiv Hersonskoy oblasti [State Archives of Kherson Region]*, 38 s. (in Russian).

File 96. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyy arhiv Hersonskoy oblasti [State Archives of Kherson Region]*, 15 s. (in Russian).

File 114. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyy arhiv Hersonskoy oblasti [State Archives of Kherson Region]*, 50 s. (in Russian).

File 117. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyy arhiv Hersonskoy oblasti [State Archives of Kherson Region]*, 63 s. (in Russian).

File 118. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 23 s. (in Russian).

File 119. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 71 s. (in Russian).

File 138. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 68 s. (in Russian).

File 156. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 19 s. (in Russian).

File 158. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 58 s. (in Russian).

File 159. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 55 s. (in Russian).

File 162. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 96 s. (in Russian).

File 205. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 66 s. (in Russian).

File 206. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 58 s. (in Russian).

File 242. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 67 s. (in Russian).

File 246. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 21 s. (in Russian).

File 249. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 49 s. (in Russian).

File 250. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 29 s. (in Russian).

File 251. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 36 s. (in Russian).

File 252. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 84 s. (in Russian).

File 305. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 20 s. (in Russian).

File 315. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 21 s. (in Russian).

File 317. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 50 s. (in Russian).

File 327. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 43 s. (in Russian).

File 334. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 181 s. (in Russian).

File 355. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 181 s. (in Russian).

File 365. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 11 s. (in Russian).

File 367. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 75 s. (in Russian).

File 368. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 90 s. (in Russian).

File 408. Inventory 1. Fund 82. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 44 s. (in Russian).

File 1. Inventory 1. Fund P-800. Herson: *Gosudarstvennyiy arhiv Hersonskoy oblasti* [State Archives of Kherson Region], 341 s. (in Russian).

Ob uluchshenii materialnogo polozheniya chinov mestnykh uchrezhdeniy [About improvement of the material situation of local institutions], 1915. *Pochtovo-telegrafnyi zhurnal (otdel ofitsialnyi)* [Postal and telegraph magazine (official department)]. No 50 (in Russian).

Obzor Tavricheskoy gubernii za 1897 g. [Survey of the Taurida Governorate for 1897], 1898. Simferopol: Tavricheskaya gubernskaya tipografiya (in Russian).

Pervaya Vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. [First General Population Census of the Russian Empire in 1897], 1904. Sankt-Peterburg: Izdanie Tsentralnogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennih del, vol. XLI (in Russian).

Pervaya Vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. [First General Population Census of the Russian Empire in 1897], 1904. Sankt-Peterburg: Izdanie Tsentralnogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennih del, vol. XLVII (in Russian).

Raspreделение naseleniya po vidam glavnykh zanyatiy i vozrastnyim grupam po otdelnyim territorialnyim rayonam. Tablitsa XX. [Distribution of the population by type of main occupation and by age group in selected territorial areas. Table XX], 1905. Sankt-Peterburg: parovaya skoropechatnaya P. O. Yablonskogo, vol. 1 (in Russian).

Svod Zakonov Rossiyskoy imperii, 1857. [The Legislation of the Russian Empire]. Ustav pochtovyiy [The body of laws]. Sankt-Peterburg, vol. XII, part. 1 (in Russian).

Ustav pochtovo-telegrafnyi [Postal and Telegraph Charter], 1914. Iz Svoda Zakonov (tom XII, chast 1). [From the Code of Laws (vol. XII, part 1)]. Izdanie zhurnala «Pochtovo-telegrafnoe Eho». Sankt-Peterburg: Hudozhestvenno-Graficheskoe Atele i pechatnaya (in Russian).

Bazilevich, K. V., 1927. *Pochta v Rossii v XIX veke* [Post in Russia in the XIXth century]. Moskva: NKPiT (in Russian).

Barmak, M. V., 2006. *Derzhavna sluzhba v Rosiiskii imperii: pravovi osnovy formuvannia ta funktsionuvannia korpusu tsyvilnykh sluzhbovtziv (KhVIII – persha polovyna KhKh st.)* [State service in the Russian empire: legal bases of formation and functioning of the civil servants corps (XVIIIth – first half of the XIXth century)]. Ternopil: Vydavnytstvo Aston (in Ukrainian).

Belonozhko, E. P., Klyishnyuk, N. A., 2011. Chislennyi sostav sektanstva v Rossiyskoy imperii na rubezhe XIX–XX vv. (na primere guberniy Tsentralnogo Chernozem'ya). [Numerical structure of sectarianism in the Russian empire at the turn of XIX to XX centuries (on the example of provinces of the Central Black-Soil region)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Scientific bulletin of the Belgorod State University. Ser. History. Political science. Economy. Computer science], No 7 (102), issue 18, pp. 147–157 (in Russian).

Dehtiarov, S. I., 2014. *Tsyvilne chynovnytstvo Ukrainy u kintsy XVIII – pershii polovyny XIX st.* [Civil officialdom of Ukraine at the end of XVIII – the first half of XIX century]. Sumy: Papirus (in Ukrainian).

Eroshkin, N. P., 1983. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy Rossii* [History of state institutions of Russia]. Moskva: Vysshaya shkola (in Russian).

Zayonchkovskiy, P. A., 1978. *Pravitelstvennyy apparat samoderzhavnoy Rossii v XIX v.* [The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century]. Moskva: Myisl (in Russian).

Zaremskiy, V. K., 2010. Organizatsiya raboty zhenshin v pochtovo-telegrafnykh uchrezhdeniyakh Rossiyskoy imperii [Organization of the work of women in postal and telegraphic institutions of the Russian Empire]. *Viesnik Mahiloŭskaha dziaržaŭnaha univiersiteta imia A. A. Kulašova. Sieryja A: hum. navuki: historyja, filasofija, filalohija* [Bulletin of Mogilev State University named after AA Kuleshov. Series A: humanities sciences: history, philosophy, philology], No 1 (35), pp. 50–58 (in Belarusian).

Mironova, I. S., 2012. *Poshtovi i poshtovo-telehrafni ustanovy na pivdni Ukrainy v systemi zviazku rosiiskoi derzhavy (druha polovyna XVII – pochatok XX st.)* [Post and telegraph offices in the south of Ukraine in the communication system of the Russian state (the second half of XVII – the beginning of XX in.)]. Mykolaiv: Vydavnytstvo ChDU im. Petra Mohyly (in Ukrainian).

Professionalnye grupy i obshchestva kak akteryi rossiyskoy pozdneimperskoy modernizatsii

(na materialah Urala vtoroy polovyny XIX – nachala XX v. [Professional groups and societies as actors of Russian late-imperial modernization (based on materials from the Urals in the second half of the 19th and early 20th centuries)], 2016. Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii (in Russian).

Rashin, A. G., 1956. *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.)*. *Statisticheskie ocherki* [The population of Russia for 100 years (1811–1913). Statistical essays]. Moskva: Gos. stat. Izdatelstvo (in Russian).

Sidorova, S. O., 2019. Sotsialnyi sostav sluzhaschikh pochtovo-telegrafnykh uchrezhdeniy belorusskikh guberniy vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [The social composition of employees of postal and telegraph institutions of the Belarusian provinces in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A, Gumanitarnye nauki. Istoricheskie nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Series A, Humanities. Historical sciences], No 1, pp. 146–150 (in Belarusian).

Fedorchenko, O. V., 2010. Materialne stanovyshche poshtovo-telehrafnykh sluzhbovtziv naprykintsy XIX – na pochatku XX st. (za materialamy Tavriiskoi i Khersonskoi hubernii) [Material situation of postal and telegraphic employees at the end of XIX – beginning of XX in. (According to materials of Taurida and Kherson governorates)]. *Pivdennyi arkhiv. Istorychni nauky: Zb. nauk. prats* [Southern archive. Historical Sciences: Coll. Science. wash]. Kherson, issue 31–32, pp. 318–327. (in Ukrainian).

Fedorchenko, O. V. Funktsionuvannia poshtovykh i poshtovo-telehrafnykh ustanov Tavriiskoi i Khersonskoi hubernii naprykintsy XIX – na pochatku XX st. [Service of postal and postal-telegraph institutions of the Taurida and Kherson province at the end of XIX – the beginning of XX], 2014. *Scriptorium Nostrum Elektornyiy istorychny zhurnal* [Scriptorium Nostrum Electoral Historical Journal], No 1, pp. 143–153 (in Ukrainian).

Shaposhnikov, G. N., 2007. Motivatsiya truda chinovnikov pochtovo-telegrafnogo vedomstva na Urale (seredina XIX – nachalo XX vv.) [Motivation of officials of the postal-telegraph department in the Urals (middle XIXth – early XXth centuries)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoriya* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Story series], No 3 (81), pp. 57–68 (in Russian).

Shepelev, L. E., 1999. *Chinovnyy mir Rossii: XVIII – nachalo XX v.* [The official world of Russia: XVIII – the beginning of the XX century]. Sankt-Peterburg: Iskustvo-SPB (in Russian).